

К ВОПРОСУ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮРКСКОЙ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

*Работа представлена кафедрой турецкого языка
Дагестанского педагогического университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Э. Н. Гаджиев

Статья посвящена описательному изучению тюркских морфем, анализу падежной системы, комплексному рассмотрению структурного состава имен существительных в тюркологии. В ней проводится детальный анализ морфем тюркского происхождения с выявлением их показателей.

Ключевые слова: *тюркские морфемы, падежная система, тюркология.*

E. Kardashev

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE TURKIC CASE SYSTEM

The article is dedicated to the descriptive study of Turkic morphemes, analysis of the case system, complex consideration of the structural composition of nouns in Turkology. The detailed analysis of morphemes of the Turkic origin and revelation of their indicators are conducted.

Key words: *Turkic morphemes, case system, Turkology.*

Материалы современных тюркских языков дают возможность установить два состояния падежной системы. Одно состояние является более древним и было характерно для ранних этапов существования тюркских языков, другое сложилось значительно позднее и соответствует современному состоянию тюркологии.

Древняя тюркская падежная система значительно отличалась от той падежной системы, которую мы видим в большинстве современных тюркских языков. Характерной ее особенностью было довольно значительное отличие в фонетическом и семантическом отношении [2].

Именительный падеж в тюркских языках, по мнению лингвистов, никогда не имел особого окончания и был представлен или чистой основой слова, или основой, осложненной одним из словообразовательных аффиксов [8].

По мнению дагестанских тюркологов, в тюркском праязыке именительный падеж

имел специальный показатель, который распределял имена существительные, оформляемые им, на определенные и неопределенные имена [4].

Некоторые тюркологи утверждают, что родительный падеж на ранних стадиях существования тюркского праязыка полностью отсутствовал. Его заменяла так называемая изафетная конструкция. Два имени существительных, из которых одно было определением, а другое определяемым, соединялись способом простого примыкания. Второе имя существительное получало притяжательный аффикс, указывающий на связь определяемого с определением [1]. По правилу образования этой конструкции русское словосочетание *дом отца* могло бы быть выражено как *отец дом его*. Из современных тюркских языков только один якутский сохраняет это древнейшее состояние, поскольку в нем отсутствует оформившийся родительный падеж, ср. кум. *атны башы* «голова лошади»

(букв. «лошадь голова ее») и кум. *ат баи* «голова лошади». Следует также заметить, что и в других тюркских языках удельный вес изафетной конструкции довольно велик и сфера употребления родительного падежа в тюркских языках значительно уже сферы употребления родительного падежа в индоевропейских языках.

Выражение отношения принадлежности путем простого соположения двух имен существительных, по-видимому, отражает особенности мышления древнего человека, когда нечто, принадлежащее кому-либо или чему-либо, понималось как находящееся рядом или поблизости. Понятие принадлежности, скорее всего, возникло путем переосмысления пространственных отношений.

В тюркском праязыке, как и в современных тюркских языках, винительный падеж имел двойную функцию. Он не только указывал на объект действия, но одновременно квалифицировал этот объект как объект определенный, в той или иной мере уже известный говорящему. Если объект был неопределенным, то форма его выражения ничем не отличалась от формы именительного падежа [8]. Показателем определенного винительного падежа был аффикс *-ы/-и, -ыг, -иг*.

Серия направительных падежей в тюркском праязыке раннего периода была особенно многочисленной. Вполне вероятно, что это многообразие отражает диалектное дробление тюркского праязыка, а различные направительные падежи принадлежали отдельным диалектам и не были достоянием какой-то общей падежной системы. Их реликты обнаруживаются во всех тюркских языках.

Многие показатели направительных падежей неизменно содержат элемент, как бы соединяемый какими-то конкретизаторами основного значения, ср. падежные аффиксы *-а, -ра, -ча*. Возможно, что основным направительным падежом был падеж с аффиксом *-а*, а элементы *й, р* и *ч* выражали какие-то особенности их значений.

Следует также иметь в виду, что аффиксы отдельных направительных падежей могли соединяться, образуя новые направительные падежи со сложными аффиксами.

Примечателен также древний исходно-местный падеж, который имел показатели *-та, -те, -да, -де*. Его отличительная особенность заключалась в том, что он имел два основных значения: 1) значение местонахождения; 2) обозначение движения от чего-либо или из чего-либо.

В древних тюркских языках функционировал орудийный падеж на *-ын/-ин*, который был тогда «живым» падежом: орх.-ен. *бар еруыг ог-ун урты* «он поразил человека стрелой». Отдельные реликты орудийного падежа сохраняются во всех современных тюркских языках: к.-калп. *жаз-ын* «летом», *гюз-ин* «осенью», тув. *кыж-ын* < *кы-шыи* «зимой», *чайын* «летом», шор. *чайын* «летом», *кюн-уьн* «днем», якут. *кыһ-ын* «зимой», *сај-ын* «летом», казах. *жаз-ын* «летом», *жасырын* «тайком» и т. д.

Тюркские языки дают возможность предполагать, что в более ранний период существования тюркского праязыка был в употреблении совместный падеж, или комитатив. Его показатель имел три варианта: *-лыг, -ла, -лан*. В современных тюркских языках совместный падеж отсутствует. Не было его и в ранних тюркских письменных памятниках. По-видимому, он исчез очень давно, еще в эпоху раннего тюркского праязыка, однако сохранились реликты этого падежа с измененной семантикой.

Реликтами совместного падежа на *-лыг* являются аффиксы относительных прилагательных *-лыг, -лы* в современных тюркских языках: хак. *азырлыг* «ветвистый», тув. *даглыг* «гористый», чув. *тадлыг* «вкусный» и т. д.

В ряде тюркских языков аффикс *-лыг* превратился в *-лык*. После отпадения конечного *-г* образовались относительные прилагательные на *-лы/-ли*: тат. *айлы* «лунный», ног. *тавлы* «горный», казах. *сулы* «водянистый» и т. д. В киргизском языке формант *-лыг* изменился в *-лу*, например, кирг. *бала-лу* «имеющий детей», *жылдызлу* «звездный» и т. д. Не исключена возможность того, что в языках, в которых произошло отпадение конечного *-г*, совместный падеж некоторое время имел показатель *-лы/ -ли*, который полностью исчез.

О возможности варианта *-ла/-ле* в тюркском праязыке свидетельствует прежде всего послелог *бир-ле* «вместе», где *-ле* – форматив со значением совместности. Этот послелог в разных тюркских языках может иметь вариации: тув. *биле*, салар. *пиле*, алт. диал. *была*, к.-балк. *бла*, тур. *иле* > *ле*, чув. *пала* и т. д.

В тюркских языках обнаруживаются реликты совместного падежа на *-лан*. Показатель *-лан*, по-видимому, составлен из элемента *л-*, соединенного с аблаутным вариантом окончания орудийного падежа *-ан*. Показатель *-лан* содержится в составе татарского послелога *болан* «с, вместе, заодно». Эти разновидности совместного падежа также вышли из употребления.

Некоторые тюркологи возводят к плоскости праязыка так называемый сравнительно-ограничительный падеж, приписывая ему одновременно и терминативное, и сравнительное значения, например, др.-уйг. *сенчэ* «как ты» и *танг атгунча* «до рассвета» [10].

Представить развитие значения сравнения из первоначального дативного значения довольно трудно. По-видимому, аффикс *-ча*, употребляемый при сравнении, ср. др.-тюрк. *йүз-че* «около ста» и *таг-ча* «как гора» имеет совсем другое происхождение. Генетически он, вероятно, связан с аффиксом прилагательных, обозначающих ослабленное качество, типа азерб. *узунча* «длинноватый», кирг. *акча* «беловатый». Значение сравнения как неполного уподобления могло развиваться на базе значения ослабленного качества.

Описанная выше древняя система тюркских падежей с лингвотехнической точки зрения не вполне рациональна. Формальное неразграничение местонахождения и движе-

ния от чего-либо и объединение их в форме исходно-местного падежа уже создавало неудобства. Накопление форм различных местных падежей, по-видимому, уже в древнюю эпоху довольно близких по значению, все больше и больше становилось балластом для языка. Возникла тенденция к созданию большей ясности и определенности. Существующие противоречия вызвали сильное сокращение системы местных падежей. Уже в самых древних памятниках тюркской письменности многие направительные падежи, а также комитативы находились на периферии и употреблялись сравнительно редко.

Произошло и формальное разделение исходно-местного падежа. Старая форма этого падежа с показателем *-та/-да* стала выражать только местонахождение: тат. *урман-да* «в лесу», тур. *ev-de* «в доме». Для выражения движения из чего-либо или от чего-либо образовалась специфическая форма исходного падежа с показателем *-тан/-та, -дан/-да*: тат. *авыл-дан* «из деревни», тур. *ev-den* «из дома». Это новое окончание возникло в результате соединения прежнего окончания исходно-местного падежа *-та/-да* с окончанием одного из направительных падежей *-н*.

Таким образом, к моменту распада тюркского праязыка сформировалась новая падежная система, состоящая из шести падежей. Эта система как основа неизменно присутствует в любом современном тюркском языке. Какой-либо существенной ломки этой образовавшейся падежной системы в отдельных тюркских языках в дальнейшем не происходило. Имели место лишь некоторые фонетические изменения в аффиксах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.
2. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР., 1940.
3. Гаджихмедов Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала, 2000.
4. Кадыраджиев К. С. Проблемы сравнительно-исторического изучения кумыкского и тюркских языков. Махачкала, 1998.

5. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
6. *Кубрякова Е. С.* Основы морфологического анализа: АДД. М., 1974.
7. *Севортян Э. В.* Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками // Тюркологический сборник. М., 1971.
8. *Серебренников Б. А.* Заметки об истории тюркских языков // Тюркологические исследования. М., 1976.
9. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
10. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1977.

REFERENCES

1. *Baskakov N. A.* Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov. M., 1979.
2. *Dmitriyev N. K.* Grammatika kumykskogo yazyka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR., 1940.
3. *Gadziakhmedov N. E.* Slovoizmenitel'nye kategorii imeni i glagola v kumykskom yazyke (sravnitel'no s drugimi tyurkskimi yazykami). Makhachkala, 2000.
4. *Kadyradzhiyev K. S.* Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya kumykskogo i tyurkskikh yazykov. Makhachkala, 1998.
5. *Kononov A. N.* Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka. M.; L., 1956.
6. *Kubryakova E. S.* Osnovy morfologicheskogo analiza: ADD. M., 1974.
7. *Sevortyan E. V.* Morfologicheskoye stroyeniye slova v svyazi s drugimi yego kharakteristikami // Tyurkologicheskiy sbornik. M., 1971.
8. *Serebrennikov B. A.* Zаметki ob istorii tyurkskikh yazykov // Tyurkologicheskiye issledovaniya. M., 1976.
9. *Serebrennikov B. A., Gadzhiyeva N. Z.* Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Baku, 1979.
10. *Shcherbak A. M.* Oчерki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (Imya). L.: Nauka, 1977.